

ВЫСТРЕЛ

Рассказ

— К мишеням бегом марш!

Команда выбросила Игоря из лежки. Ноги в тяжелых берцах вязли и разъезжались в каше из раскисшего снега, впереди и по бокам сопели снайперасоратники. Оскальзывались, матюгались, подкалывали на ходу друг друга. «Магазин отстегнул, патрона в патроннике нет, на предохранитель поставил, винтовку плащ-палаткой укрыл, вроде ничего не забыл. Бежать, не отставать!» — на ходу перебирал в мыслях Игорь, месяа стометровку в двенадцатый уже сегодня раз.

Все, тяжело дыша, подбежали к мишеням, каждый к своей — листку бумаги формата А-4 с черным фломастерным кружком в центре. Листки были пришпилены кнопками к транспортной ленте. Старая, толстая резина, вынесшая на своей широкой спине тысячи тонн угля из никому уже не известных шахтных глубин, доживала свой век на стрельбище военного полигона, терзаемая пулями калибра 5,45 и 7,62. Здесь, у подножия ржавого террикона, на огневом рубеже в сто метров, тренировались в стрельбе или приводили оружие к нормальному бою¹ снайпера, пулеметчики и бойцы других воинских специальностей отдельного батальона спецназа молодой и непризнанной Донецкой Народной Республики. Вот и сейчас восемь бойцов сводной группы снайперов тщательно, с линейками, изучали дырки на своих мишенях. Определяли СТП², расстояние СТП от КТ³, замеряли кучность, хвастались или досадливо матерились. Занимались каждодневной, рутинной работой снайпера на тренировочных курсах. Как пианист должен играть, чтобы быть пианистом, так снайпер должен регулярно стрелять. Руслан, инструктор, вот уже третий месяц гоняющий их в хвост и в гриву, поочередно подходил к каждому, оценивал, делал свои замечания.

— Таааак, это у нас Одесса. Сколько рассеивание? — хитро взглянув на Игоря, потом на мишень, спросил он.

— Шесть с половиной сантиметров.

— Плохо! Для тебя плохо. Норма для СВД⁴, вообще-то, не более восьми сантиметров, но ты можешь лучше. Работать надо.

Игорь Владимирович Немодрук родился в 1965 году в шахтерском поселке на Луганщине. По окончании школы уехал в Одессу. Был моряком, потом бизнесменом. Яхтсмен и фермер. Весной 2014 года стал активистом движения «Куликово поле». 2 мая первым вошел в Дом профсоюзов. Уцелел в той бойне, не оставил дело борьбы с украинским нацизмом, был участником одесского подполья, в начале 2015 г. удалось выехать на Донбасс, где вскоре вступил в ряды ополченцев. Служил в разведке армии ДНР снайпером.

¹ Приведение оружия к нормальному бою — пристрелка оружия.

² СТП — средняя точка попадания.

³ КТ — контрольная точка, точка на мишени, в которую в идеале должны попадать все пули снайпера. Тот самый фломастерный кружок в центре.

⁴ СВД — снайперская винтовка Драгунова.

— Бегать меньше надо. «К мишеням бегом, от мишеней бегом...» — бурчливо ответил Игорь. — Бегаем, как малахольные, по полигону, шо лоси по тайге, а потом пульс зашкаливает и ствол ходуном ходит.

— Это ты укропам в бою пожалуись. Они тебя, глядишь, и пожалеют, дадут отдышаться и спокойно прицелиться. Так?

— Эти дадут... Догонят и еще раз дадут, — тихо буркнул Игорь, понимая, что инструктор прав. И добавил: — Но мы спецназ, нас хрен догонишь! Уж не знаю, как стрелять, а бегать мы на этих курсах научились!

— Ну раз научились, тогда быстренько собирайтесь и на второй рубеж бегом марш! — ехидно хихикнул Руслан.

Вторым рубежом был высокий, под два метра, бруствер, насыпанный за пятьсот метров от террикона. Мишени были разнообразны: бумажные на фанерных щитах, металлические из толстого листового металла, вырезанные в форме человеческих фигур в полный рост и по грудь. В один ветреный день были даже оранжевые шарики для пинг-понга, отчаянно трепыхавшиеся на веревочках на удалении двести метров. Тогда свои шарики сумели разнести лишь двое из восьмерки. И дистанция до мишеней была тоже разнообразной. В металлические мишени стрелять было приятней. К бумажным приходилось бегать, смотреть результаты. А к металлическим надо было только прислушиваться, они на попадание отзывались приятным «дзинннь».

Неделю назад кто-то из ребят притащил на бруствер кусок линолеума, спасая форму и карематы от снега и донецкого чернозема. И где только раздобыли его, в этой глуши, где до ближайшего цивилизованного строения было километров пять?! Игорь укладывался на свое место, раскладывая рюкзак-эрдэшку⁵, пачки патронов, умащивая поплотнее камуфляжную штанину, набитую песком, — мешочек для упора винтовки. Укладывался и философствовал про себя, глядя на линолеумный орнамент и выдавленную квадратную выемку, в которую так удобно при стрельбе упирать правый локоть: «Интересная штука — жизнь. Шо у людей, шо у вещей. Такие завороты, бывает, делает, шо любое кино отдыхает! Вот взять этот линолеум... На каком заводе его сделали? В каком году? Может, еще при Брежнев. Лежал себе на полу в какой-нибудь квартире, шлепали по нему детские пяточки и хозяйские тапочки... Сколько б он мог рассказать! Вот, например, эта выемка, наверняка от кровати. Какие женские стоны он помнит, когда делали на этой кровати детей? И как потом ножки этих детей шлепали по нему, когда малыши бежали к родителям под одеяло». Игорь с улыбкой вспомнил, как приучали младшую дочь, ей тогда три годика было, спать отдельно, в детской комнате. И как она бегала к родителям в постель по несколько раз за вечер, причем каждый раз несла перед собой свою подушку, прижимая ее к груди ручонками. «Шесть лет прошло уже. И три года, как Аленку не видел, — мысли Игоря текли дальше. — Кто бы мне тогда сказал, шо у нас будет война, да еще такая дурная, братоубийственная, шо я, в свои пятьдесят лет, буду иметь позывной Одесса и буду бегать наравне с молодыми, стрелять из эсвэдэшки, которую до этого и в руках не держал?! Вот и получается, шо у нас с этим линолеумом судьбы похожи».

— По четыре патрона заряжай! Работаем на неизвестную дальность, — вырвал Игоря из раздумий голос Руслана. — Марс, мишень номер пять, Геолог — девять, Одесса — три... Стрельба по готовности!

Привычными движениями заполнив четверкой латунных молодцов магазин и вщелкнув его в винтовку, Игорь прикинул к оптическому прицелу, выискивая среди группы щитов, рассыпанных на различной дальности, мишень с крупной цифрой «3».

⁵ Эрдэшка — РД, рюкзак десантника.

Определить до нее дальность было левым делом — третий месяц уже на этом полигоне как-никак, наизусть уже все помнится. Тройка была на трехстах восьмидесяти. Взявшись двумя пальцами за верхний маховичок, на секунду задумался и выставил его на дальность четыреста метров. Передернул затвор, опять приник к окуляру прицела и слился наконец с винтовкой в единый снайперский комплекс. Поерзал слегка, устраиваясь поудобнее, нащупал правым локтем выемку и замер, успокаивая дыхание. Четырехкратная оптика ПСО⁶ сделала все предметы четкими, фанерный щит, мишень были отлично видимы, даже скотч, которым листы бумаги примотали к фанере, слегка отблескивал. Сетка у прицела была очень удобной.

«Дистанция триста восемьдесят, а прицел на четыреста, значит, берем чуть ниже, — Игорь подвел стрелочку уголка на сетке прицела в кружок мишени, потом опустил ее вниз, сравнив с нижним обрезом листа. — Ветер слева, четыре метра в секунду, значит, поправка влево, 0,23 умножаем на четыре, получается 0,92, почти одна тысячная. Добавим сюда деривацию, она на этой дистанции будет 0,1 тысячной. Итого одна тысячная влево».

Вычисления заняли секунд пять, не больше. И как только компьютер в голове Игоря выдал результат, он увел вершинку уголка влево, так, чтобы прицеливаться ближайшей к уголку вертикальной риску, плотнее вжал приклад, очень медленно выдохнул из легких воздух и задержал дыхание. Сетка прицела почти перестала танцевать. Сквозь кожу перчатки чувствовался изгиб спускового крючка. Теперь главным в этом механизме, состоящем из человека, винтовки и оптики, выступал правый указательный палец человека. Он должен плавно, без рывка, нажать на спуск. Надави чуть резче или не тем местом, и ствол винтовки слегка, незаметно для глаза, колыхнется, и пуля уйдет на малую долю градуса в сторону. Вся работа будет испорчена, и выстрел будет зряшным. В этот раз палец свою работу сделал правильно, грохот выстрела слился с лязгом затвора, стреляная гильза улетела куда-то вправо. Справа и слева забабахали соратники. Игорь, не меняя позы, в несколько вдохов восстановил дыхание и еще трижды повторил действия по продырявливанию бумажки номер три.

После четвертого выстрела затвор, выкинув последнюю гильзу и не получив подпитку из магазина, замер в крайнем заднем положении, открыв широкую щель, требуя, словно птенец с открытым ртом, новой пищи. Игорь не торопясь отстегнул пустой магазин, закрыл затвор, укрыл винтовку плащ-палаткой. Слева грохнул выстрел. Гильза не больно стукнула Игоря в плечо и упала на линолеум, исходя горячим дымком.

— Одесса стрельбу окончил! — крикнул куда-то через плечо. Игорь щелчком пальцев отправил гильзу к подножию бруствера и перевернулся на спину, блаженно потянувшись.

— Марс стрельбу окончил!

— Геолог стрельбу окончил!

— ...стрельбу окончил!

— К мишеням бегом марш! — Руслан сорвался с бруствера едва ли не первым.

Так до обеда и занимались — постреляли, побежали посмотреть, опять постреляли. Да и после того, как плотно набили животы борщом и макаронами с тушенкой да слегка отдохнули в кубрике, ничего не поменялось. А в 15-30 прибежал посыльный от дежурного по полигону со словами: «Одессу вызывают. Группа Двойки на БЗ⁷ выезжает».

⁶ ПСО — прицел снайперский оптический.

⁷ БЗ — боевое задание.

Передняя часть кузова под самую крышу была забита рюкзаками. А на полу толстым слоем уложили остальное имущество группы — ящики с бэка⁸, коробки с сухпаем, тушенку, крупу, масло, пару сковородок с каштунками, даже ПТРС⁹ 1943 года выпуска, которое, сколько помнил Игорь, группа только возила с собой и которое ни разу еще не стреляло по укропам. Ну а бойцы заполнили собой оставшийся объем, и армейский «Урал», как обычно, оказался забит так плотно, что, казалось бы, сунь туда еще одну эрдэшку, и темно-зеленый прорезиненный брезент треснет, как штаны на жирной заднице. Но опыт говорил, что, если последует команда, сюда, под возмущенные крики и трехэтажные маты, еще поместятся АГС¹⁰ с расчетом и полудужиной улиток¹¹.

Такие выезды случаются часто, поэтому бойцы давно уже определились с местами в кузове. Двойка, как командир группы, занимал место для VIP-персон — в кабине. Игорь удобно развалился на эрдэшках, подперев своей винтовкой, словно палкой, капризно не желающей лежать на вершине пирамиды и постоянно сваливающийся рюкзак. Самые козырные места у заднего борта по уставу предназначались для пулеметчиков, но их занимали санитар Леон и замок¹² Овал. Леон был ровесником Игоря, только худым и жилистым. Да и то сказать — какой жир нарастишь, всю жизнь проработав в шахте забойщиком? Имея характер, всегда готовый к скандалу и очень матерный лексикон, показывающий, что хозяин запросто перейдет от скандала к драке, Леон легко отжал это козырное место для себя. А Овал его занимал на правах замка. Лет тридцати пяти, очень полный, он был коренным дончанином, в молодости, совпавшей с лихими девьяностями, бандитствовал, за что получил срок, а с приходом войны взял в руки автомат.

— Все на месте, гоблины? — над задним бортом «Урала» показался кевларовый шлем, под ним голубые глаза Двойки, а еще под ними и его широкая улыбка.

— Мули нету, побежал в кубрик, за сигаретами, — ответил Рус. — Куда едем, Двоечка?

— В Докуч¹³ едем, — за Двойку ответил появившийся Муля, который всегда все знал, везде успевал и всюду вставлял свои пять копеек. Он выскочил над бортом, как черт из табакерки, и перебрал две пачки сока (наверняка успел в столовую заскочить и выклянчить у поварих), свой автомат, а потом и себя, любимого.

— О! Докуч! — воодушевился Овал. — Класс — Каких-то полгода назад он служил в другом подразделении и как раз в Докучаевске. Игорь, кстати, также служил в той роте разведки, но недолго и в этом городе не был ни разу. Машина дернулась и поехала, а по рукам пошли пакеты с соком, сигареты и зажигалки, передаваемые от одного бойца к другому.

Двухэтажное здание из силикатного кирпича, бывшее ГАИ славного города Докучаевска, встречало их в сумерках. Перед крыльцом была гравийная площадка, окантованная невысоким и ажурным бетонным заборчиком. Наверняка до войны на этом гравии докучаевцы выставляли свои авто, а важные, неторопливые гаишники заглядывали под капоты машин и в карманы их владельцев. А теперь армейский «Урал» бесцеремонно сдал задом к самому крыльцу, едва не раздавив твердой черной резиной нижнюю ступеньку. Будь это два года назад, бывшие хозяева от такой наглости наверняка бы онемели.

⁸ Бэка — БК, боекомплект, запас боеприпасов.

⁹ ПТРС — противотанковое ружье Симонова.

¹⁰ АГС — АГС-17 «Пламя», автоматический гранатомет станковый 30 мм.

¹¹ Улитка — круглый короб, в который уложена лента с боепитанием для АГС.

¹² Замок — замкомандира, в данном случае заместитель командира группы.

¹³ Докуч — Докучаевск.

С крыльца вели две двери. И левая, в которую бойцы стали таскать свои вещи, оказалась не гаишной. По крайней мере, плакаты на стенах, показывающие схемы строповки различных грузов и металлические столы, более похожие на верстаки, привинченные к полу и стоящие в ряд, говорили, что здесь кого-то раньше обучали. Местные разведчики занимали две комнаты на первом этаже, а приезжим достался второй. Там было холодно и темно. Холодно потому, что на улице был март, а здание не отапливалось всю войну. А темно потому, что все лампочки давно унесли вместе с патронами, только козьи рожки обрезанных проводов торчали в потолке. Но... Группа была «не первый день замужем», где только не приходилось ночевать! И в полуразрушенных сельских домах, и просто на улице, и в шикарной даче какого-то прокурора, сбежавшего в Мариуполь, и в настоящем, хотя и запущенном бомбоубежище. Самая тяжелая ночевка на памяти Игоря была под Широкино, недельки четыре назад. Тогда, по «гениальной» задумке командования, они двумя группами оказались в трехстах метрах от укроповских позиций. Холодно было, дождь мелкий и мерзкий моросил, укропы в тепловизор посматривали! А они передвигались на четвереньках или ползком, грызли сухой паек, по трое набивались под сырые плащ-палатки и даже туалетные надобности справляли лежа на боку. Тело тогда пропиталось промозглым холодом до самого хребта. Надрожались от сырости, да и от страха тоже. Мерзли, дрожали, но сутки наблюдали за укропами. А те безмятежно бродили по широкинской улице, среди кладбищенских могил, даже по шоссе, проходящему в ста метрах от ополченцев, прогуливались. Заглядывали в брошенный «москвич», прикидывая, что бы с него скурочить себе в хозяйство, и не подозревали, что через оптику на них внимательно смотрит снайпер.

Так что сегодняшние неудобства были ого даже какими комфортными! Дела ладились без команд, каждый занялся каким-либо полезным делом. Водитель Боцман притащил ящик с инструментами и различным полезным барахлом. Достал два патрона с уже вкрученными лампочками и кусками проводов и принялся прикручивать их к «козьим рожкам». Кто-то таскал из грузовика рюкзаки и ящики, кто-то из кучи различного имущества, сваленного в соседней комнате, вытаскивал какие-то фанерные стенды с наклеенными на них плакатами и заделывал ими дыры в окнах. Сапер Али, потыкав в розетки зарядкой для мобильного и выяснив, что электричества нет ни в розетках, ни в прикрученных Боцманом под потолком лампах, полез в распределительный щит в коридоре. Тихо бурча и ругая почему-то все начальство до комбата включительно, он недолго там поколдовал, а потом отрезал кусок провода из своих взрывоопасных запасов и сунул его одним концом в ближайшую розетку, а вторым куда-то в щиток. Тихой мышкой пискнула зарядка, засветилась под потолком одна лампа и матюгнулся в адрес второй Боцман. И уже через минуту в литровой кружке, черной от копоти снаружи и коричневой внутри, зашипел в воде маленький кипятильник. Рядом, свесив набок хвостики чайных пакетов, выстроился в ожидании кипятка взвод кружек поменьше. А на стене, над «чайным» местом, повис написанный Сомом на оторванном от коробки куске картона график ночного дежурства. Солдатский быт налаживался.

Двойка, Овал и, конечно же, Муля пошли к местным. Поговорить за жизнь и узнать обстановку. Остальные принялись мостить себе спальные места. В коридоре были сложены разобранные кровати и матрасы в куче. С кроватями решили не заморачиваться, а просто укладывали на пол кроватную сетку, на нее бросали матрас, а сверху уже свой каремат. Игорь выбрал себе место под длинным столом, словно полка, тянущемся вдоль стены. Стол был добротный, с окантовкой из металличе-

ского уголка и трубами-подпорками. На него удобно легли эсвэдэшка, разгрузка и всякая мелочь, да и спать под таким столом спокойнее — он послужит дополнительной защитой от падающих обломков в случае артобстрела.

Дежурили парами по полтора часа и только ночью. Игорь дежурил с Русом с десяти вечера до половины двенадцатого, с двадцати двух до двадцати трех тридцати, если выражаться по-военному.

— Ну шо тут? — поправляя тяжело оттягивающую вниз ремень кобуру с ПМ¹⁴, Игорь подошел к сменяемым Доку и Муле, сидящим у окна в коридоре. — Док, оставь свой трахтомат, а то от моей плетки¹⁵ ночью толку никакого.

— Возьми. Патрон в патроннике, — Док слегка подвинул лежащий рядом с ним на подоконнике автомат и затаился сигаретой.

— Все спокойно. Местные дежурят внизу, возле дверей. Мы пару раз обходы делали и тут сидим. В окно хорошо все просматривается, — Муля выдохнул облачко то ли пара, то ли сигаретного дыма.

Игорь подошел к окну. Внизу поблескивал легким инеем брезент «Урала». Через улицу, чуть справа, была какая-то стройка. Проектор ярко освещал недостроенное здание, в котором, однако, светились парочка окон на третьем этаже, башенный кран и крыша вагончика за металлическим забором. А напротив было одноэтажное здание с вывеской «СТО. Шиномонтаж». Возле него приткнулись две легковушки. У открытого багажника одной из них о чем-то разговаривали двое мужчин. Вдалеке глухо гахнул взрыв, и почти сразу же посыпалась автоматная трескотня. «Километра два, похоже, — подумал Игорь, беря в руки автомат и машинально чуть-чуть оттянув затвор, взглянул на медно блеснувший бок патрона, вернул затвор на место. — Интересно, где это стреляют?» Бабахнуло еще несколько разрывов, трескотня пошла гуще и разнообразнее, к автоматам присоединился пулемет, потом, похоже, и «Утес».

Мужики возле машин на войнушку и ухом не повели, продолжая общаться о своем. Ярким, светящимся прямоугольником открылась дверь, на ее фоне встала женская фигурка. Фигурка о чем-то спросила мужчин, один из них коротко ответил, на секунду повернувшись к ней. Девушка протянула руку куда-то к стене, прямоугольник погас, а девушка, став лицом к двери, принялась замыкать ее. Потом присоединилась к мужскому разговору. И все это под звуки канонады. Заработай сейчас кран на стройке или опустись на соседнее дерево стая грачей, они бы уделили им внимания больше, чем этой стрельбе.

— Ну че тут у нас? — подошел к ним Рус, поправляя ремень автомата на плече и сёрбая чай из кружки.

— Че,че... через плечо! — Док затушил бычок в жестянке из-под паштета и резко встал. — Вам шо, каждому по отдельности рассказывать? Пошли, Муля.

— На посту не спать, — важно бросил напоследок Муля.

— Чего они, Одесса? — Рус уселся на место Мули, поставил кружку с чаем на подоконник и прикурил сигарету.

— А... Не обращай внимания, — Игорь взял его кружку и, сделав из нее пару глотков, поставил ее на место. — Все нормально.

Тройка у СТО, попрощавшись, рассаживалась по машинам, чтобы наконец-то разъехаться по домам. Игорь, взяв автомат в руки, прошел в другую комнату, пустую и выходящую окнами на противоположную сторону. Там были видны гаражи, две жилые двухэтажки, два длинных сарая с дюжиной дверей в каждом. Одно

¹⁴ ПМ — пистолет Макарова.

¹⁵ Плетка — сленговое название винтовки СВД. Получила за громкий и хлесткий звук выстрела.

окно в двухэтажке мерцало голубым телевизорным светом, еще пара светила обычным. На балконе краснел сигаретный огонек. Обычный донбасский городок. Игорь вырос в таком же шахтерском поселке, бегал пацаном в такой же сарайчик за углем, потому что поддерживать огонь в печке было его обязанностью. Здесь, похоже, давно уже на газ перешли, но сарайчики остались. Проехало за угол такси. Стрельба за окном прекратилась резко, как будто ее выключили.

А минут через сорок приехал еще один грузовик, на этот раз КамАЗ, привез АГС, троих гранатометчиков с Греком во главе и замкомандира роты майора Ронина. Грек был местным, улыбчивым, круглолицым и молодым. Правильно поставленной речью походил на студента-ботаника, а воевал с четырнадцатого года. Высоченный же Ронин всем своим обликом походил на сотника из войска Чингисхана. Даже броник, кевларовая каска и берцы смотрелись на нем как доспехи кочевника. Зато его умению материться мог бы позавидовать любой русский, да и не только русский, боцман или сапожник. Он совсем недавно, недельки две назад, добровольцем приехал из родной Бурятии, бросив там работу и семью. Коридор наполнился грохотом ботинок, лязгом железа и жизнерадостными криками.

В спальном мешке, да еще с головой накрывшись поверх спальника плащ-палаткой, было тепло и уютно. Громкие рулады Боцмана, храпевшего в полуметре рядом, мешали спать гораздо меньше, чем давящий в бедро фонарик, забытый в кармане горки¹⁶. Ночью, сквозь сон, Игорь слышал, как дежурные будили очередную смену, как те, крихтя, возились, одеваясь-обуваясь, грюкали оружием. Но это не мешало спать, наоборот — только добавляло сладости в сон. Приятно было снова погрузиться в объятия Морфея с мыслью, что тебе-то вставать не надо.

Сейчас народу возилось больше. Ходили по комнате, громко цепляясь берцами за кроватные сетки, звенели кружками, вполголоса бубнили что-то. Игорь нехотя, в полудреме, вынул руку из уютного мирка, взял лежащий рядом телефон, посмотрел на время.

«Шесть сорок семь, — подумал Игорь и ткнул мобилку обратно, к ПМ, — можно еще поспать немного».

«Фигушки! — громко заявил о себе мочевого пузыря. — Подъем!»

Упрямылся Игорь минут пять, но с этим начальником спорить себе дороже, поэтому пришлось вылезать из дремотного уюта в прохладную реальность.

Просыпались и вставали без команды. У Двойки в группе вообще очень многое проходило без команд, вроде как само собой. Игорь, четыре месяца назад попавший в этот отряд, вначале удивлялся про себя этому феномену. Зайдет Двойка в кубрик, бросит, ни к кому не обращаясь: «Надо бэка погрузить на машину». И все... А минуты через три, бурча и матеря командование, из-за которого бардак и солдату приходится работать, бойцы из кубрика потянутся к оружейному складу.

Вот и сейчас кто-то еще спал, кто-то выбирался из кокона, крихтя, позевывая и окидывая обстановку мутным, словно у зомби, взглядом. Леон бодрячком возился в «кухонном уголке», заливая кипятком чай в кружке и дербаня темно-зеленый картон сухпая с надписью «Военторг». Двойка пил кофе вприкуску с сигаретным дымом и, шурясь, рассматривал карту и распечатанный спутниковый снимок местности. Вскоре к нему присоединился и Ронин.

Игорь и себе взял коробку сухпая. Вскрыв коробок, он привычно рассортировал содержимое по классам. Первым делом выудил и переправил к себе в карман плитку шоколада. Этот ингредиент сухпая имел свойство исчезать самым быстрым и таинственным образом, поэтому требовал к себе особого внимания. Следом за

¹⁶ Горка — форма, распространенная среди ополченцев, очень удобная.

шоколадом последовали жвачка, упакованные, словно таблетки в пластинке, ветроустойчивые спички и две розоватые пачки «Адаптовита»¹⁷. Игорь оценил этот напиток еще на снайперских курсах. Причем он хорош был как в «мокро» виде, разбавленный кипятком или холодной водой, так и в сухом, просто высыпанный в рот. Два пакетика чая и сахар нашли свое место в кружке, в ожидании кипятка. Квадратная коробочка «шпики соленого», как последняя в шкале ценностей, отправилась в страну бесполезных вещей — в коробок, в котором перемешались шпик и галеты. А вот маленькая цилиндрическая жестянка с плавленым сыром, пакетик повидла, «каша рисовая с говядиной» и яблочное пюре были сложены в аккуратную кучку. Это и будет завтраком. Все остальное осталось в темно-зеленом картонном чреве на потом. Залив кружку кипятком и поставив кашу греться на маленькую жестяную горелку с сухим горючим, Игорь подошел к небольшой толпе, успевшей обступить стол с картами.

— На Сперматозоид мы ходили в прошлом году! Он ничей был! — возмущался Овал, тыкая пальцем в снимок на столе. — А Крокодил был полностью наш! Полностью! А теперь?! Сперматозоид укропы совсем заняли и половину Крокодила отжали! Офигеть можно! Минские, б..., договоренности!

Игорь, приподнявшись на носках, через спину Сомы посмотрел на стол, пытаясь понять, что за пресмыкающееся осеменяет здешние поля войны? Сперматозоид не узнать было невозможно, и как только умудрились его таким насыпать?! А вот ящер требовал уточнения.

— Шо такое Крокодил? — спросил он.

— Вот этот длинный террикон. — Двойка заскорузлым ногтем провел по спутниковому снимку, — Вот южнее, прямо под ним карьер. А севернее, видишь, другой террикон, Подвал называется. Он выше Крокодила. А между ними длинное ущелье. А вот Черепаха. Сегодня день тратим на знакомство, изучение местности. Вы согласны, товарищ майор?

— Согласен. Ты тут лучше меня все знаешь, поэтому сам решаешь. Я буду пока приглядываться. — Ронин по причине своего совсем небольшого, всего лишь двухнедельного пребывания на Донбассе всецело доверял Двойке, воевавшему с первого дня войны.

— Тогда так... Снайпер, Али и Док — Двойка ткнул указательным пальцем в Игоря, в спину Али, заваривающему себе чай и в продолговатый горбик из плащ-палатки, под которым дрых Док, — идут на Подвал. Кто-нибудь, разбудите Дока. Сом, Муля и Рус — на Крокодил. А... еще Грек на Подвал. Присмотри пару позиций для АГС.

Однако с рекогносцировкой в один день не уложились. Три дня ходили, перебегали, пригнувшись, простреливаемые участки, ползали, часами лежали, прячась среди серых камней, рассматривая в оптику какой-то дикий, словно инопланетный, ландшафт. Крокодил в профиль и в самом деле походил на огромного, километров семь длиной, ящера, уснувшего в окрестностях Докуча. Эти отвалы доломита на его гребне образовали рай для снайперов. Кучи, кучи, кучи серых камней разных размеров, от здоровенных, в два человеческих роста, до небольших, величиной с кулак. Эти кучи, эти пирамидки, были насыпаны густо-густо, одна возле одной. Да еще поросли кустарником, а на стороне, занимаемой укропами даже лесочком, Крокодил пересекала глубокая расщелина. Она и разделяла наши позиции и укроповские. И хотя Подвал, состоящий из мелкого щебня, отсева, как его здесь называют, возвышался над Крокодилом, особого преимущества это не давало. Высмотреть

¹⁷ Адаптовит, адаптон — растворимый тонизирующий напиток, состоящий из сахара, экстрактов различных трав, ягод.

врага, если он соблюдал хотя бы элементарные правила предосторожности, в этом месиве камней, кустов и деревьев было практически невозможно. Зато наш боец, приподнимись он хотя бы немного над гребнем, сразу высвечивался на фоне неба и становился мишенью. Как позиция Подвал Игорю не понравился.

Зато на четвертый день... «Урал», разбрызгивая жидкую грязь по стенам, впри-тирку прошел в сводчатом туннеле, пробившем высокую железнодорожную насыпь, немного попетлял вместе с асфальтированной дорогой, перемахнул через ржавые рельсы переезда и остановился, не желая ехать дальше по грунтовке, там, где асфальт кончался. Боцман, выкурив сигарету вместе с выгрузившимися бойцами, укатил обратно. Дальше предстояло двигаться пешком. Вчера они уже были здесь с Двойкой, тогда им на Крокодил проводника дали. А сегодня Ронин просто быстро сходил в вагончик, стоящий в стороне, метрах в пятидесяти, и согласовал там с местными выход, чтобы ненароком свои не обстреляли.

— Ну че, воины, покурили? — он окинул взглядом бойцов. — Выступаем. Идем боевым порядком. Первым Рус. Следующий Муля, потом я, за мной Сом. Следующий Док и Одесса замыкающим. Дистанция три метра. Вперед!

Все быстро закинули за плечи эрдэшки, повесили оружие и пошли. На месте, как в фильмах о разведчиках, никто не прыгал. Грунтовая дорога шла вверх, сначала полого, потом круче. Под ногами тихо хрустела мокрая, темно-серая, почти черная отсыпка. Игорь, трогаясь последним, быстро передернул затвор, загнав патрон в патронник, и уже на ходу достал из кармана еще патрон и снарядил им магазин. Теперь его плеточка заряжена не десятью, а одиннадцатью патронами, какая-никакая, а фора. Обязанностью замыкающего было контролировать тыл, поэтому Игорю приходилось вертеть шеей, как суслику у норки, иногда даже делать несколько шагов спиной вперед. Здесь хотя и тыл, но расслабляться не стоило: донецкая природа на любом свободном клочке земли гнала заросли кустов и деревьев такой дикой густоты, что они могли бы потягаться с вьетнамскими джунглями. Неплохие укрытия для ДРГ¹⁸. Посматривая же на ребят, он вдруг подумал: «Вот идут бойцы. Русский татарин Рус, с Хабаровска. Муля местный. Ронин бурят. Классический бурят из Бурятии. Сом местный, Док тоже. Док и Леон, вообще отец и сын. Я из Одессы, но тоже местный. Идем на войну, где стреляют и запросто могут убить. И где мы тоже будем стрелять и убивать. Шо нас здесь всех собрало? За четыре месяца, шо я в этом батальоне, я не слышал какой-то особой пропаганды, пафоса какого-нибудь или надрыва. Та и зачем добровольцам пропаганда?! Как будто само собой разумеющуюся работу делаем. Даже когда парились в бане и пили самогонку, когда разговоры расслабленно текли самотеком, эта тема почему-то не всплывала». Говорили о войне, об оружии и экипировке, о разных разностях, а о причинах своего здесь нахождения не говорили. Игорь попытался вспомнить, что каждый из ребят говорил о своих мотивах. С улыбкой вспомнил, как на это ответил Леон. Тоже в бане дело было, когда Игорь его спросил об этом. Голый, с рюмкой в одной руке и куском колбасы в другой, через слово вставляющий «ты» или «ты, б...», он вдруг запнулся, удивленно разведя руками, даже слегка присев от такой бестолковости собеседника: «Ты, б..., Одесса! Так ведь, б..., фашисты пришли!»

Дорога впереди раздваивалась. Одна уходила вправо и круто вверх. Это их путь на Крокодил. Другая огибала подъем и уходила тоже вправо, но не подымалась, шла низом между Крокодилом и карьером, в сторону укропских позиций. Слева, высоко на терриконе, встали в полный рост, разглядывая их группу, две фигурки.

¹⁸ ДРГ — диверсионно-разведывательная группа.

«Наши глаза¹⁹. На Черепaxe, кажется», — машинально отметил про себя Игорь. Головняк²⁰ уже втянулся в поворот, как вдруг по группе, от передних к задним, словно огонек по огнепроводному шнуру, пробежал сигнал. Разведчики вскидывали вверх сжатую в кулак правую руку и приседали, беря под прицел каждый свой сектор. Игорь, крутнувшись на носках берца, развернулся назад, мигом уткнул правое колено, защищенное наколенником в грунт, а на левое поставил локоть руки, подперев ею цевье винтовки. Что там, впереди, произошло, он не знал, его задача — держать тыл и эти джунгли сзади, вплотную подступившие к дороге. Большим пальцем правой руки Игорь опустил флажок предохранителя, а указательный положил поверх скобы спускового крючка. Скосив взглядом, выбрал поблизости подходящую ямку, в которую падать, если что. Сзади что-то хрустело, приближаясь. Игорь, бросив через плечо короткий взгляд, даже удивиться не смог от ненормальности происходящего! Из-за поворота выехал накатиком с выключенным двигателем рабочий автобус. Пазик, экономя на спуске топливо, тихо хрустел истертыми шинами в полутора метрах от ошестинившихся стволами ополченцев. Рабочие за стеклами автобуса удивленно рассматривали сверху вниз бойцов.

«Блин! Вот они, реалии этой войны, — не знал, то ли смеяться, то ли ругаться, Игорь. — Получается, комбинат этот, доломитный, работает, несмотря на войну. И этот пазик с рабочими минут десять или даже пять назад был у укропов. Офигеть! Поле непаханое для шпионов!»

Бинты, которыми еще зимой снайпер обмотал свое оружие, белоснежные, идеально маскирующие винтовку на снегу, за два месяца затерлись, истрепались и жутко посерели. Игорь хотел их срезать еще на полигоне, когда снег сошел, но они были одного цвета с прошлогодней сухой травой, и он их оставил. А вчера, когда они здесь, на гребне Крокодила, знакомились с обстановкой, он отметил, что цвет бинтов идеально совпадает с цветом здешних отвалов. Настолько идеально, что, придя в расположение, он выпросил у Леона две упаковки, хорошенько выпачкал их в придорожной грязи и повязал кусочками на разгрузку и шапочку. Шапочка у него была фирменная. Могла служить как шапкой, так и балаклавой. А после того, как он нашел на нее кусок желто-зеленой рыболовной сетки, к которой удобно привязывать всякие маскировочные лоскутки и которая, откинута, скрывала светлое пятно лица, а за ненадобностью скатывалась и убиралась, эта шапочка стала маленькой «кикиморой»²¹. А еще он обмотал этим серым бинтом трубу разведчика²². Очень удобная штука. Игорь, познакомившись с ней поближе, буквально влюбился в нее. Простая, как палка, она давала очень четкое изображение, не требовала подстройки резкости и, самое главное, позволяла вести наблюдения из укрытия, не высываясь и не подставляя себя ни под взгляд, ни под выстрел. Вот и здесь, на месте, с помощью резинки прикрепив к перископу пучок сухой травы, он плавно, без резких движений, так бросающихся в глаза, выставил его над гребнем высокой каменной кучи. И наблюдал за украми.

Хорошую позицию вчера подобрали. Камни сюда возили, похоже, огромными самосвалами, БелАЗами, и сваливали кучи густо, одна возле одной. Кучи были высокими, выше человеческого роста. За ними было удобно прятаться и скрытно пере-

¹⁹ Глаза — наблюдатели.

²⁰ Головняк — головной дозор.

²¹ Кикимора — маскировочный костюм в виде накидки с множеством лоскутов.

²² Труба разведчика — ТР-8, оптический прибор перископного типа, восьмикратного увеличения, высотой 560 мм, позволяет вести наблюдения из укрытия, определять дальность до объектов с известными габаритами по угломерной сетке.

двигаться между ними тоже было удобно. А уж как комфортно лежалось среди камней при перестрелках, которые здесь вдруг, ни с того ни с сего, возникали по несколько раз в сутки! Удобно пристроив зад на плоском камне, то ли лежа, то ли сидя, уперев локти, прикрытые налокотниками, в грунт, он рассматривал укров. До них было пятьсот метров. Точнее, четыреста семьдесят. Вчера он изловчился измерить точное расстояние лазерным дальномером, наведя его на большой плоский камень, торчком стоящий у самой траншеи. Камень этот был словно из сказки, только надпись на нем сделать: «Направо пойдешь... Налево пойдешь...» Укропы вырыли свою траншею прямо у подножия этого камня, установили в углу пулемет. А чуть впереди росло дерево с рыжей, прошлогодней листвой. Оно служило хорошим ориентиром. Светосильная оптика перископа съедала расстояние и давала удивительную четкость. Вот у пулемета беседуют о чем-то, повернувшись друг к другу лицами, а к нам боком, два дежурных бойца. Над бруствером видны только плечи и головы в касках. Мимики с такого расстояния не различить, но хорошо видны все их движения, серый камуфляж, тактические очки поверх шлемов, светлые пятна лиц. Можно даже определить, что лица упитанные. Вот справа из лесочка вынырнули две фигурки в черном, у каждой по белому мешку на плечах, наверняка хлеб и продукты притащили. Быстро прошмыгнули, пригнувшись, пятнадцать метров открытого пространства от зарослей до траншеи и прыгнули вниз, к беседующим. О чем-то весело говорят, это было видно по движениям.

«Шо рассказывают? — подумал Игорь, достав свободной рукой из пакетика, засунутого в карман разгрузки, несколько семечек и закинув их в рот. — Наверняка какие-то местные новости. Или приколы, только им и понятные. Такие же солдаты, как и мы. Такие же Володьки, Сережки или Мишки. И юмор такой же. И ждут их где-нибудь в Полтаве или Черновцах, и молятся за них. А поди ж ты — враги!» Он давно и старательно гнал от себя мысли, что придется стрелять в человека. Все понимал. Что мы их сюда не звали. Что война. Что не мы ее начали. Что у нее свои жесткие правила. А все равно не по себе было от мысли, что вот сделает он выстрел, правильный, выверенный, как учили на полигоне, и где-то далеко завоет над гробом женщина! Бр-р-р... Аж мурашки по коже!

Пришедшие поболтали минуты три и пошли по траншее влево, скрылись непонятно где. Игорь вел за ними взглядом, разворачивая трубу влево. Один из дежурных повернулся и приложил к глазам бинокль. Это немного напрягло. Умом Игорь понимал, что увидеть его невозможно, над каменной пирамидкой торчит всего лишь часть перископа, хорошо замаскированная под пучок травы. Да к тому же сзади, на соседней куче, рос густой куст, он своим фоном хорошо его скрывал. Но все равно.... Казалось, укроп уставился сквозь бинокль прямо в него. Черные мешочки вынырнули на границе поля зрения его трубы. Игорь, плюнув на любопытного дежурного у пулемета, отвел от него объектив и сосредоточился на бегущей парочке. Те отбежали уже далеко влево и намного дальше чем пятьсот метров.

«Оппа! Да у них здесь блиндаж», — глядя, как фигурки нырнули в едва-едва видимое отверстие в глинистой насыпи, Игорь удивился, что ни он, ни кто-либо из его группы не заметил этих блиндажей раньше.

— Одесса, ответь Овалу, — голос раздался в правом ухе, в которое был вставлен маленький наушник гарнитур. — Как обстановка?

Овал находился на Подвале, он с высоты координировал сегодня действия всех подгрупп. Где-то там, рядом были и агээсники с Греком во главе. Двойке же с пятеркой ребят сегодня предстояла самая сложная и опасная часть работы. Они сейчас где-то внизу, в ущелье между Крокодилем и Подвалом, скрытно, на тихой лапе,

двигаются как можно ближе к украм. У них задача — взять языка. Идеально, если скрадут такую же укропскую группу, шарящую, на свою беду, в ущелье. Ну а снайпер, пулеметчик да и остальные отсюда, с Крокодила, должны прикрыть огнем, если что. Игорь уже прижал кнопку на ларингофоне для ответа, что все тихо, как вдруг впереди, но не с этих наблюдаемых позиций, а скрытых за леском раздалась пулеметная очередь. С Подвала ответила такая же. Из-за спины, с наших позиций, оставленных метрах в ста пятидесяти сзади, тоже затарахтел короткими очередями пулемет. Это подключился Стас, друг Игоря по старой службе. И понеслось! Пулеметные, автоматные выстрелы затарахтели сзади, спереди, справа. К ним добавились бабахи подствольников. Несколько раз где-то рядом в воздухе шелкнули, пролетая, пули. Сквозь трескотню было слышно, как далеко впереди, у укропов, гахнуло один за одним два выхода. Похоже, минометы. Через секунду чуть справа в вышине прошуршало и еще через мгновение взорвалось два раза то ли в районе Подвала, то ли вообще в Докуче.

— Овал Одессе, — Игорь сполз от греха подальше вниз. — Было тихо, пока ты не спросил. Как принял?

— Принял, — Овал по-донецки тянул гласные, голос его был спокоен. — Двойка Овалу.

— На связи, — чуть замедлив, тихо, почти шепотом отозвался Двойка. — Что происходит?

— Та просто постреляшки вспыхнули, — ответил Овал.

Игорь спустился к подножию каменной кучи и откинулся спиной на камни, сплевывая семечковую лузгу на россыпь пулеметных гильз.

— У ? — протянул Ронину жмению семечек.

— Угу, — Ронин также принялся лузгать плоды подсолнечника, устроившись поудобнее

Справа, метрах в двадцати, курили Сом с Доком. Встретившись глазами, они, как по команде, оскалились в улыбке. На левом фланге задымили Рус и Муля. И тоже лыбились во весь рот. Игорь положил трубу разведчика на плоский камень, в который миллионами лет был впаян белый купол какой-то окаменелости, то ли кусок огромной раковины, то ли свод чьего-то черепа. Окаменелостей тут было очень и очень много. Не сходя со своего места, Игорь мог видеть с полдюжины. Когда-то давно это было дном доисторического океана. Миллионы лет на это дно падали ракушки, рыбы, плавающие ящеры. Все это покрывалось илом, уплотнялось, каменело. Потом океан ушел, дно поднялось, стало сушей. На нее напозлали с севера ледники и опять уходили. По ней бродили мамонты и саблезубые тигры, с ними бились каменными орудиями первобытные в лохматых шкурах. Потом и они пропали. Топтали копытами своих коней эту степь скифы и сарматы, древние русичи и половцы, татары и казаки. Святослав и Олег ходили этими местами на неразумных хазар, Петр Первый водил свои азовские походы, гонялись друг за другом тачанки Пархоменко и батьки Махно, танки Манштейна жестоко прокатились с запада на восток в сорок первом, наматывая на гусеницы эту землю, но у же в сорок третьем убегали от Красной армии на запад, злобно огрызаясь. И вот в третьем месяце шестнадцатого года двадцать первого века, на второй год войны, которая еще и названия своего не получила, опять здесь кипит страсти и льется кровь.

Перестрелка, потарахтев минут двадцать, затихла сама собой. Док, в одну затяжку докурив и засунув бычок под камень, осторожно приподнялся, приложил би-

нокль к глазам. Плавно поводя из стороны в сторону, так же плавно присел. Отняв бинокль от глаз, посмотрел в сторону командира. Ронин и Игорь одновременно и не сговариваясь вопросительно дернули подбородками. «Все спокойно», — махнул он рукой. Игорь, кряхтя, полез на свою лёжку.

На вражеских позициях ничего не изменилось. Дежурные у пулемета опять болтали, дерево-ориентир все так же мотало под ветерком своими рыжими листьями.

— Одесса Двойке, — раздался в ухе тихий шепот.

— Одесса на связи.

— Работать можешь.

— Могу, — у Игоря участился пульс, и он не заметил, как тоже почему-то перешел на шепот.

— Работай, — Двойка все так же тихо шептал. — Надо, чтобы они засели и не высовывались.

— Принял, — шепнул, проглотив комок, Игорь и, плавно переместившись к винтовке, лежащей рядом, чуть ниже вершины каменной кучи, протянул Ронину трубу, — Приказ работать.

Игорь, стараясь успокоить дыхание, приложился к винтовке, снял ее с предохранителя. В прицел все смотрелось чуточку по-другому, чем в перископ, все-таки и кратность меньше, и по высоте на полметра ниже, но разница была небольшой. Болтуны в окопе все так же сплетничали, на прямой линии с ними в поле зрения попало несколько колышущихся на ветру травинок. Это плохо, пуля, чиркнув об травинку, могла едва заметно отклониться. Зато они показывали направление ветра, который тут крутил завихрениями.

«Так, шо мы имеем с этот гусь? — Игорь никак не мог уговорить свой пульс, поэтому старался отключить осознание того факта, что сейчас он целится не в мишень, а в человека. — Ветер слева, косой, два-три метра в секунду. И, блин, порывами! 0,28 умножаем на три и делим на два. Получаем ноль сорок две тысячных. Блин, а если я сейчас убью не какого-то укропа майданутого, а нормального мужика?! Какой, на фиг, нормальный?! Нормальные мужики в украинскую армию не идут! Возьми себя в руки, Игорь! Работай!»

Он посмотрел на своих соратников. Ронин на соседней куче старательно вдавливал себе в глазницу окуляр трубы. Справа Док, приподнявшись, так же внимательно рассматривал врагов в бинокль, а Сом, сидя рядом с ним с пулеметом на коленях, вертел головой то на него, то на Игоря. Слева, полулежа на камнях, Муля и Рус тоже в ожидании неотрывно уставились в четыре требовательных глаза на снайпера. Игорь опять прикинул к прицелу.

«Итак... Поправка 0,42 влево. Добавим деривацию 0.1 и тоже влево. Итого полтысячной влево, — пока калькулятор в голове сыпал цифрами, Игорь несколько раз глубоко вдохнул-выдохнул, вентилируя легкие, каждый последующий вдох делал слабее предыдущего, постепенно успокаиваясь и переходя к ровному, тихому дыханию, — Но ветер же, сволочь, порывистый. Вынесу прицел на полтысячной влево, а он возьми и не подуй. Промажнись».

Игорь поиграл пальцами правой руки, разминая их.

«Тогда делаем так... — он подвел вершинку уголка на сетке прицела под ухо левого бойца, — Не подует — пуля левому достанется, подует — в правого. Или в одного, или в другого попаду наверняка». Задержал дыхание и с мыслью: «Господи, прости грех мой и направь пулю по воле твоей», — плавно нажал на спуск.

Выстрел грохнул, как обычно, громко и хлестко, гильза, звякнув, улеглась в россыпи точно таких же, которые были насыпаны тут раньше каким-то пулеметчи-

ком. Пренебрегая правилами, которые советовали снайперам не любопытствовать после выстрела, Игорь все-таки опять приник к окуляру прицела. Вдоль бруствера метушливо бегала одна голова в каске. Подбежав в угол, где был пулемет, укроп вдруг развернулся и побежал обратно. Помня, что приказ Двойки был заставить врагов засесть и не высовываться, Игорь быстро, на глаз, сделал упреждение и выстрелил. Мимо! Каска развернулась и снова метнулась в угол. Игорь перенес точку прицеливания вправо и снова быстро выстрелил. Опять мимо! Укроп опять побежал влево. Выстрел! Снова мимо!

«Черт бы тебя побрал! И чего в траншее не засесть?! Наверняка паника у человека! — Игорь, помня, что магазин заряжен бронебойно-зажигательными патронами, плюнул на мечущегося в траншее укропа и всадил один за другим три пули в камень, — Бэзешки²³ при попадании в камень дают вспышку и секут осколками, может, хоть это заставит придурка засесть в траншее!»

Слева раздалась автоматная очередь. Это Ронин, не выдержав, в азарте высаживал в сторону укропов один магазин, потом еще один. Справа к нему присоединился Док. Он с сигаретой в зубах, щурясь от дыма, короткими очередями разряжал автомат. Его солидно сменил Сом. Затарахтели попеременно и Муля с Русом. Снайперу больше делать тут было нечего, и он сполз вниз. Укропы, как ни странно, не отвечали ни единым выстрелом.

«Ну вот, кажется, ты и открыл свой счет, снайпер Одесса, — Игорь грыз семечки, глядя, как его друзья резвятся, — Это им за Одессу, за Дом профсоюзов, за Вадика Негатурова!»

²³ Бэзешки — сленговое название патронов БЗ, бронебойно-зажигательных.